

КАРЕЛЬСКИЙ КАМЕННЫЙ ЦВЕТОК ВСЕ НЕ ВЫХОДИТ

- ТЕКСТ | Татьяна ХМЕЛЬНИК
- ФОТО | Александр ПОТРАВНОВ, Алексей ЕСЛИН

Карелия у многих петербуржцев ассоциируется, прежде всего, со скалами, тайгой и озерами. Действительно, уж чего-чего, а камня здесь предостаточно: есть и гранит, и диабаз, и доломит, и шунгит, и кварцитопесчаник, и мрамор. Добывай — не хочю. Но, на радость «зеленым» и на горе бюджету, добывают очень мало.

Гору искрошили в прах

По словам **Олега Шукина**, начальника геологического отдела Управления по недропользованию по Республике Карелия (Карелнедра), главный карельский заработок — не добыча камня: «Карелию сейчас кормит железная руда, которая перерабатывается в Костомукше. Запасы камня используются достаточно скромно, хотя месторождений, предназначенных для разработки, нами разведано много. Но от разведки до реальной добычи — огромная дистанция: требуются время, деньги, желание и упорство. В 2007 году у нас было добыто 24900 кубометров блочного камня (для облицовки). Было выдано 100 лицензий, из них только по 20 ведутся хоть какие-то работы. В 2009 году показатели оказались еще более скромными. Хотя еще десятилетием раньше, в 1999 году, в Карелии было добыто 115 тысяч кубов, из них 30% мрамора...»

Классическим примером могут служить знаменитые мраморные ломки в Кондопожском районе. Геологи эти мраморы 31 оттенка называют тивдийскими (по ближайшему селу Тивдия), но в кадастре месторождение стоит как Белая Гора (по другому ближайшему селу, где была фабрика по обработке мрамора). Мрамор ломали здесь с середины XVIII века и везли в основном в Петербург, где его можно увидеть в облицовке Зимнего дворца, Музея этнографии, других памятников архитектуры.

В середине 70-х годов XX века карьере пришел конец. Нет, крепчайший доломитизированный мрамор, который не брали алмазные буры, не кончился. Как рассказали местные жители, а потом подтвердили петербургские и петрозаводские геологи, некая московская компания решила «добывать» по-крупному: не откалывать клиньями куски, а рвануть как следует, по-столичному. Раньше тоже рвали, но порохом, аккуратно, по естественным жилам и трещинам, чтобы как можно меньше повредить скальный массив — ибо кому же нужен битый мрамор? После московской работы целых кусков, пригодных для работы, просто не оста-

лось. Как рассказывает Олег Шукин, в 1984 году в Белой Горе в последний раз откололи и распилили несколько опытных блоков: «Из огромного куска удалось напилить 11 квадратных метров нормальной облицовки, остальное все было расколото внутренними трещинами».

Но, с точки зрения геологии, повредить одним даже крупным взрывом все месторождение физически невозможно. И если в Белой Горе взяться за дело с умом, аккуратно, в стороне от поврежденного участка, то здесь можно добывать и добывать.

Но не добывают.

Причин тут две, и они, как обычно, тесно связаны друг с другом. Во-первых, за десятилетия бесхозности пришли в полную негод-

ность подъезды к карьере — мост рухнул, а двухкилометровая дорога по берегу заболотилась и заросла. Во-вторых, подсобное хозяйство Кондопожского ЦБК овладело территорией до самого карьера, устроив там выпасы для скота и сенокосы, огородив все рядами колючей проволоки. Через «колючку» даже геологам не всегда удастся прорваться, потому что остатки дороги на карьер теперь проходят через скотный двор. Естественно, что при возобновлении работы карьера придется подвинуть подсобное хозяйство, чему отчаянно сопротивляется ЦБК, — во всяком случае, «Карелнедра» сталкивались именно с таким отношением. Когда будет решен вопрос с землепользованием, карьеры выставят на торги, но до этого пока еще очень далеко.

Габбро-диабазовая скала (берег Онежского озера у деревни Другая Река). Раньше добывали диабаз бережно, откалывали глыбы небольшими взрывами, теперь взрывают мощно, на щебенку

ские маршруты по югу Карелии. Его организаторы и устроители создали очень редко встречающийся в нашей стране симбиоз природного объекта и натурного музея горного дела прошлых веков. Мраморный каньон Рускеалы вошел в список культурного наследия России в 1998 году, тогда же начались работы по его благоустройству и облагораживанию. Считается, что в Европе нет подобного по красоте объекта — чтобы и природные достоинства были налицо, и деятельность человека тоже была представлена.

Сотрудник Сортавальского краеведческого музея геолог Игорь Борисов, который проводит экскурсии «для продвинутых» в Рускеале, рассказывает, что добычу глыб пришлось прекратить по банальной причине: всю толщу мрамора испещряют трещины, и выломать целый фрагмент скалы, не представляется возможным. А все потому, что мрамор стали взрывать. Его бы добывать потихоньку, дедовским способом, вбивая клинья и откалывая глыбы монолита, но хотели брать побольше и поскорее, поэтому стали закладывать взрывчатку.

Однако хороший мрамор оказался уже и не так нужен. Дело в том, что большие заказы из Петербурга перестали поступать, а камень брали на известь. Примерно с 1870 года

вся добыча была переориентирована на известковое сырье и мраморную крошку, из которой потом прессуют искусственный мрамор. По всей юго-восточной Финляндии стояли дома, которые были оштукатурены известкой из рускеальского мрамора. На окраине карьера можно увидеть старые известковые печи, брошенные относительно недавно, их теперь заменило новое оборудование, и горы белой мраморной муки высятся вокруг всей Рускеалы.

Конечно, пару-тройку досок на надгробие в карьерах наковырять можно до сих пор, но были случаи, когда эти целые с виду мраморные доски при попытке выбить на них надпись или рисунок давали трещины. Ведь если в монолите пошла трещиноватость, она имеет совершенно непредсказуемое направление. Во время войны главный карьер оказался затопленным, и вся добыча переместилась на периферию месторождения. На излете советского периода Рускеалу пытались реанимировать для добычи декоративно-облицовочных мраморных плит и даже успели украсить ими подземные залы станций метро «Приморская» и «Ладожская», но трещиноватость породы сделала это занятие довольно дорогостоящим и, в конце концов, бесперспективным. По данным карьероуправления, в годы наибольшей загрузки карьера работа не прерывалась ни зимой, ни летом, причем бурение велось даже ночью.

Внешне карьер производит сильное впечатление: серо-белые скалы обрываются в бирюзовое озеро с сильно изрезанными берегами, и сверху хорошо видно, что глубина там немаленькая, около 20 метров. В Рускеале очень любят проводить свои тренировки дайверы — они заплывают в отдаленные уголки карьера, чтобы не мешать основной массе посетителей, и ныряют в свое удовольствие. Вода там прозрачная, почти без мути и водной растительности, только листики осенью с окрестных берез могут налететь. Здесь можно взять напрокат лодку и увидеть карьер снизу. Раньше у края обрыва стояли таблички: «Камни не бросать, внизу люди». Теперь их заменили

Мрамор — только для туристов

Не менее показательный пример современного «хозяйствования» на мраморных ломках — это Рускеала, местечко в 30 км к северу от Сортавалы. Здесь та же история: дозврывались... Рускеальский камень был известен и популярен наравне с тивдийским, а то и более. Он использовался при создании декора Исаакиевского собора, Мраморного дворца, Михайловского замка, Орловских ворот, Екатерининского дворца в Царском Селе. В «главной мраморной ломке» Рускеалы с 1769 по 1830 год было добыто, в переводе на современные меры, более 200 тысяч тонн мрамора. Далее добычу перенесли в соседний карьер — с Белой горы на Зеленую. Как только был окончательно завершён Исаакиевский собор, Рускеальский карьер лишился государственных заказов и постепенно перешел в разряд второстепенных ломок. По общим (приблизительным) подсчетам, всего за годы существования «главного карьера» из него было добыто не менее 800 тысяч кубометров мрамора. Это данные Сортавальского Музея северного Приладожья.

Теперь в старом карьере открыли Горный парк, куда валом валят туристы. «Горный парк» принимает посетителей еще только с мая 2005 года, но уже вошел во многие туристиче-

на менее провоцирующие надписи. Часть глыб висит над водой под отрицательным углом, а кое-где возникли гроты, куда можно заплывать и полюбоваться игрой света на мраморном потолке. Увы, в резком свете фонаря отчетливо видны трещины на сводах. Естественно, гора так сразу без предупреждения не рухнет, но становится не по себе, и хочется поскорее выплыть наружу.

Конечно, все это очень красиво, но использовать мрамор только как главную «фишку» Горного парка — не очень денежно. Запасы камня вокруг колоссальные, и одна финская фирма купила лицензию на изыскания и добычу. В процессе изысканий стало понятно, что нужно вскрывать более 20 метров с поверхности, чтобы добраться до нетронутого трещинами монолита. А куда эти 20 метров девать? Финская компания стала просить разрешить ей эти «крошки» перевести на извесь — хоть какая-то прибыль, но согласование затянулось настолько, что у предпринимателей отобрали лицензию. Кроме того, добыче активно противостояла администрация Горного парка, которая полагала, что взрывные работы могут не понравиться туристам. Можно было договориться закрывать парк на дни взрывов, но стороны, видимо, не сошлись в оценке компенсации.

Порфир на щебенку — это очень по-карельски

Есть в Карелии и другие богатые месторождения мрамора, но там вообще никогда не велось добычи — нет дорог, нет инфраструктуры. По оценке геологов из управления «Карелнедра», разведано как минимум полтора десятка прекрасных месторождений. Но добычи там не ведется. Поэтому неудивительно, что этот камень возят в Петербург с Урала, из Сибири, даже из Индии и Италии, но только не из Карелии! Причем на Алтае и на Саянах работает крупная московская компания, которая, скупив в Карелии местные карьеры, добывает сущий мизер, что

В этих печах перевели кучи рускеальского мрамора; сейчас они тоже брошены

выглядит элементарным сдерживанием разработки ресурсов. В Кондопоге на камнеобрабатывающем предприятии этой компании куда чаще встречается материал из Бразилии или из Португалии.

Немногом лучше положение с добычей диабазов и гранитов — они идут в основном на щебень. С шунгитом сложнее: добывать его как бы можно, но «зеленые» против, грозя Прионежью экологической катастрофой. Олег Щукин считает все эти угрозы продуманной политикой: «Если что-то добывается, значит, это кому-то нужно. Если что-то не добывается, то это тоже кому-то нужно!»

Да и с самым красивым карельским камнем — шокшинским кварцитопесчаником, который за цвет называют порфиром, — тоже не все слава богу. Шокшинское месторождение в Прионежском районе разрабатывается, но, по словам геологов, очень вяло. Всему виной высокая трещиноватость скалы — следствие все тех же взрывных работ. На карьере говорят, что если пару раз в год попадет блок на 10 кубометров, это удача. И шикарный камень, из которого выполнена облицовка гробницы Наполеона и Мавзолея Ленина, идет... на брусчатку. ЗАО «Карьер «Шокшинский кварцит» заманива-

ет покупателей даже щебенкой из кварцитопесчаника: мол, в темноте асфальт на таком щебне светится в лучах фар, и абразивная способность материала сокращает тормозной путь. Спору нет, брусчатка и щебень получаются крепкие, но это все равно, что эбеновое дерево пускать на дрова. Найти не поврежденный взрывами монолит еще возможно, но для этого нужны дополнительные изыскания, которых пока никто не заказывает.

И уж совсем никому не нужны знаменитые питкьярантские гранаты-альмадины — те самые камни, которыми среди прочих украшена корона Российской империи. Брусчатку из них не сделаешь, надгробия не получится. Добывать их и легко, и мешкотно — нужно раскрошить сланец,

в котором залегают гранаты, и извлечь оттуда драгоценность. То есть работа практически ручная. В прошлом году администрация Питкьярантского района выставила заброшенные копи на торги. Не нашлось ни одного желающего купить эти выработки, поэтому они попали в нераспределенный фонд и могут остаться там навечно. Только отдельные граждане, частные старатели, тихонько крошат сланец под покровом выросшего на разработках леса, но их добыче не позавидуешь. Ведь сверху лежат гранаты не ювелирного качества, а чтобы добраться до хороших, нужен экскаватор — гранатоносный слой тянется на много метров вглубь земли.

Мы намеренно не написали о самом ходовом карельском камне — граните. Его добывают, но он значительно дешевле и мрамора, и диабазы, и порфира. А все остальные запасы Карелии остаются в недрах, пока Москва и Петербург заказывают бразильский, индийский, китайский камень. В свое время рачительная Екатерина II требовала брать камень для строительства поближе — даже с Урала возить было дорого. Думаю, императрицу хватил бы удар, если бы она узнала, что ее потомки будут таскать камень через океаны, забросив шикарные карьеры у себя перед носом. ■